

Тысяча мощных самострелов ударила одновременно.

Громадная мощь почти заглушила стоны гибнущей конницы.

Тучи стрел рассекли небо, оставив после себя бесчисленные тела и груды белых костей, устилавших багровое море крови.

Бесконечный дождь из стрел везде, куда падал, орошал землю фонтанами крови. Всё поле боя словно провалилось в жерло раскаленного ада, а потоки крови, подобно кипящей лаве, поглощали человеческие жизни одну за другой.

— Цзы!

Боевой халат Янь Гана был залит кровью — невозможно было разобрать, его собственной или вражеской.

Не раздумывая, он легким движением отбил летевший с молниеносной быстротой наконечник стрелы. Обернувшись, он увидел Цюй И, полководца Юань Шао.

Цюй И, командовавший авангардом в этом сражении, натянул лук до предела, словно полную луну, и пустил еще одну смертоносную стрелу.

Затем он издал громкий боевой клич и ринулся вперед, размахивая длинным копьём.

Вокруг и под ногами валялись тела погибших побратимов. Глаза Янь Гана уже покравели от ярости, и он выставил вперед свой стальной цян, нанося колющий удар.

Оружие скрестилось, высекая сноп искр.

Цюй И издал крик!

Точно такой же громкий крик, с каким Янь Ган шел в бой в самом начале сражения!

Цюй И снова закричал:

— Убить!

Под копытами коней лежало пронзенное копьём бездыханное тело Янь Гана.

Умереть в конской шкуре, пасть в честном бою — такова доля воина, нашедшего свой конец на

поле брани.

Восемь сотен Смертников передового отряда ценой своей жизни забрали три тысячи Белых Всадников Справедливости.

Даже если в этой битве победил Гунсунь Цзань, на самом деле он потерпел поражение.

Некогда ослепительные Белые Всадники в белых одеждах и на белых конях, чья слава гремела в Ючжоу и Цинчжоу, теперь, подобно павшей звезде, окончательно сгинули в Цзичжоу, на берегах реки Паньхэ, у моста Цзецяо.

Воочию увидев, как гибнет его элитное войско и терпит столь сокрушительное поражение, Гунсунь Цзань полностью потерял строй.

Войска Цюй И устремились вперед в стремительном преследовании, сметая всё на поле боя так легко, будто резали дыни и овощи, и гнали неприятеля до самого лагеря Гунсунь Цзаня.

Разбитые наголову отряды уже не смели и думать о том, чтобы задержаться.

Приказ Гунсунь Цзаня об отступлении окончательно превратился в беспорядочное бегство.

Цюй И нацелился прямо на полководческий стяг. Войска Юань Шао были на подъеме, и он жаждал лично срубить голову Гунсунь Цзаню.

На изменчивом поле боя армия, еще мгновение назад горевшая боевым духом, теперь разбегалась во все стороны, в ужасе пряча головы.

Ярко-серебряный шлем Гунсунь Цзаня резко выделялся среди бегущей толпы.

Цюй И сменил копье на лук и натянул тетиву сразу с двумя стрелами.

— Свист! —

Стрела сорвалась с тетивы, прочертив в воздухе холодную молнию, и устремилась вслед за Гунсунь Цзанем.

Стрела была быстра, но блеск меча — еще быстрее!

Внезапный отблеск клинка мгновенно перехватил летящую стрелу.

Раздался звонкий удар, и обе стрелы рухнули на землю.

А вторая стрела все же пролетела в опасной близости от бедра Гунсунь Цзяня — лишь благодаря тому, что смертоносный удар был отражен.

Гунсунь Цзянь вывалился из седла и, опомнившись, увидел поднимающего свой меч Юаньхуна — это был Го Цзя.

Лицо Гунсунь Цзяня исказилось от стыда, который он изо всех сил старался скрыть за напускным упрямством.

В то же время с тыла донеслись раскатистые звуки яростной сечи, и из клубов пыли на позиции лавиной хлынули свежие силы.

Черной волной они неслись вперед и в мгновение ока преградили путь воинам Цюй И.

Отступающие отряды вновь сплотились и, подобно расступавшемуся водному потоку, открыли проход. Всадник, скакавший впереди, в панике кубарем вывалился из седла и на ватных ногах подбежал прямо к Гунсунь Цзяню.

С искренним раскаянием на лице он затянул скорбную песнь:

— Господин Богуй, Лю Бэй прибыл с опозданием.

В этом искусстве спасать людей из огня Лю Бэй обладал огромным опытом, а его выразительное лицо идеально дополняло образ.

Столь искренний, преданный и благородный.

Как мог Гунсунь Цзянь не растрогаться до глубины души?

Лишь стоявшая в стороне Цзянь Го Цзя едва заметно скривил губы в усмешке.

Однако стоило ему бросить взгляд в сторону, как он случайно встретился глазами с Лю Бэем. Что-то неуловимое таилось на дне взгляд Лю Бэя — казалось, оно было адресовано исключительно Го Цзя.

Го Цзя нахмурился и отвел глаза.

Благодаря своевременному появлению троицы Лю, Гуаня и Чжана, Гунсунь Цзяню удалось собрать остатки разбитого войска и отступить на несколько десятков ли от моста Цзецяо.

Стоило только поставить главный шатер, как в лагерь вихрем ворвался отряд всадников, покрытых дорожной пылью.

Гунсунь Цзань резко обернулся и спросил:

— Ты говоришь, что тяжело ранил Цюй И?

Чжао Юнь опустил на одно колено:

— Да.

— Ты действительно столкнулся с Юань Бэньчу? — Гунсунь Цзань невольно бросил взгляд на Го Цзя, но тот лишь опустил голову, словно вовсе не слышал вопроса Чжао Юня.

Чжао Юнь, разумеется, встретился с Юань Шао.

В битве при Цзецяо Го Цзя отговаривал Гунсунь Цзаня включать Белых Всадников Справедливости в авангард. Гунсунь Цзань тогда послушал его, но прямо посреди боя изменил свое решение, из-за чего три тысячи всадников погибли в один день.

Тогда Го Цзя предложил тайком отправить людей в засаду на берегах Паньхэ, рассудив, что Юань Шао, человек осторожный и расчетливый, непременно возглавит войско лично.

Вот только сидевшим в засаде следовало хранить абсолютное молчание, побеждает ли их армия или проигрывает.

Гунсунь Цзань думал и гадал долго, взвешивая все за и против, пока наконец не призвал к себе Чжао Юня.

В тот момент он совершенно не понимал, какой смысл может быть в этой скрытой засаде.

Но теперь Гунсунь Цзаню поневоле пришлось перевести взгляд на этого человека.

Этот человек появился так внезапно, высказал лишь пару слов и даже не настаивал, чтобы к нему прислушались.

И вот теперь, когда исход битвы решен...

Все произошло ровно так, как предсказывал этот человек, до малейшей детали!

Тогда почему...

Почему этот человек не объявился раньше?

Чжао Юнь вышел из шатра и увидел, как один человек громко шумит, толкаясь с другим, похожим на него как две капли воды; обе пары круглых, как медные блюда, глаз были широко раскрыты от удивления.

— Цзылун, иди сюда, ты как раз вовремя! Этот упрямец непременно хочет померяться со мной силой в армрестлинге, да еще притащил двоих помощников для поддержки. Цзылун, считай, что ты пришел поддержать меня. Так, не хватает еще одного.

— Брат Яньмин.

Чжао Юнь, перехвативший Юань Шао, никак не ожидал столкнуться с контратакой Цюй И, и только внезапное появление Чжан Яня на полпути спасло его от неминуемой гибели — иначе, зажатый между Юань Шао и Цюй И, он бы неминуемо увяз в тяжелейшем бою.

Кто бы мог подумать, что Чжан Янь, заметив следовавшего за Чжао Юнем человека, снова взревет на всю округу:

— Эй... этот... больной книжник, тебе сюда!

Больной книжник...

Чжао Юнь хлопнул себя рукой по лбу.

Стоявший рядом Лю Бэй изумленно замер.

Чжан Фэй расхохотался.

А лицо Гуаня Юя покраснело еще сильнее.

И лишь виновник этого прозвища, Го Цзя, с легкой улыбкой на губах подошел ближе и обратился к Чжан Яню:

— Генерал, книжник болен и отправляется отдыхать.

С этими словами, под устремленными на него многочисленными взглядами, он развернулся и ушел, оставив за спиной толпу ошеломленных людей с самыми разными выражениями лиц.

Чжао Юнь поспешно сложил руки в приветствии перед Лю Бэем, собираясь уходить, но тот окликнул его.

Едва Го Цзя вернулся в главный шатер, как следом за ним туда ввалился Чжан Янь.

— Эй, Фэнсяо, откуда ты знал, что Гунсунь Цзань отправит Цзылуна охранять мост, да еще велел этому паршивцу Сюй Лу передать мне весть? А если бы... — Чжан Янь развязно плюхнулся на топчан, отчего добротная кровать тут же просела, а дорожная пыль с его доспехов облаком осыпалась на простыню.

Го Цзя поджал губы и молчал.

Чжан Янь, не замечая ничего вокруг, продолжал гнуть свое:

— Я говорю, на случай, если бы это оказался не Цзылун? Что если не он, мне нужно было появляться или нет? — Чжан Янь хлопнул себя по лбу. — Этот пацан мне ничего об этом не сказал!

Го Цзя налил себе чаю, повертел в пальцах чашку и произнес:

— Разве мог это быть не Цзылун? Господин Богуй был уверен, что выиграет это сражений, и его военачальники верили в то же самое. Кто же добровольно откажется от возможности отличиться и совершить подвиг ради участия в засаде на бой, которого, по их мнению, и быть не должно?

К тому же, если взглянуть на это с самой худшей стороны: потерпи они поражение в этой битве, задание устроить засаду на Юань Шао превратилось бы в смертельную ловушку, полную смертельных опасностей. Спроси себя, кто из приближенных Гунсунь Цзаня осмелился бы взять на себя такую ответственность?

Никакой славы за победу, миллион смертей за поражение.

Кроме Цзылуна, Фэнсяо просто не видит никого другого, кого Богуй мог бы отправить в засаду.

Чжан Янь слушал очень внимательно. Обычно бесшабашный, сейчас он выглядел словно прилежный ученик в школе, старательно хмуря брови.

— И как это тебе удалось заставить Гунсунь Цзаня сделать этот ход?

Го Цзя отпил глоток чая и слегка прикрыл длинные ресницы:

— Я лишь сказал, что это даст еще один шанс схватить Юань Шао.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ах ты, хитрец Го Фэнсяо! Пусть даже шанс один, но для такого натуры, как Гунсунь Цзань, Цзылун в его глазах и есть этот единственный шанс. Ха-ха-ха! — Чжан Янь хлопнул себя по коленям от смеха.

Го Цзя тоже слабо улыбнулся, но в глубине души наконец-то облегченно выдохнул.

Хотя всё в этой битве шло примерно так, как он и рассчитывал, если бы на каком-то этапе произошел сбой, последствия...

— Наверное, в один прекрасный день этот книжник продаст Цзылуна, а тот еще и будет сам пересчитывать за него деньги, ха-ха!

Громкий голос Чжан Яня еще не затих, как полог шатра откинулся, и вошедший Чжао Юнь с порога бросил вопрос:

— Кому это брат Яньмин собрался меня продать?

— Ой!

Не поминай к ночи — вот они, легки на помине.

Чжан Янь принялся лихорадочно соображать, как бы сбежать, и, испуганно вращая глазами, случайно встретился взглядом с едва заметной насмешливой улыбкой на губах Го Цзя. Его словно током ударило, и он выпалил первое, что пришло в голову:

— Да вот этому книжнику, годится?

Го Цзя произнес:

— Цзылун, проводи гостя.

Не дожидаясь, пока Го Цзя договорит, Чжао Юнь шагнул вперед, схватил Чжан Яня за шиворот и попросту вышвырнул из шатра.

Заметив, что половина постели испачкана следами от грязных сапог Чжан Яня, Чжао Юнь молча свернул одеяло, вынес наружу, а вскоре вернулся с новой охапкой и аккуратно застелил кровать заново — свежую, чистую, белоснежную.

— Откуда это? — с улыбкой спросил Го Цзя.

Чжао Юнь ответил:

— Из интендантства, там еще осталось несколько комплектов. Раз уж брат Яньмин устроил тут такое, Фэнсяо, ты ведь не собираешься сегодня ложиться спать, раз даже не пытался его остановить?

Го Цзя вздохнул:

— У него слишком быстрые задницы, разве я мог его удержать?

— Ладно уж, я сам с ним потолкую, чтобы реже таскался к тебе, да еще и в шатер, да еще и в мое отсутствие.

— ...

Чжао Юнь подошел к Го Цзя:

— Где ты болен?

Го Цзя растерянно поднял голову. Его глаза были красными от лопнувших сосудов, но взгляд оставался чистым:

— Где болен?

— Ты же только что сам говорил, что болен.

— Ха-ха, — усмехнулся Го Цзя. — Я его просто обманул.

Чжао Юнь протянул руку и коснулся его лба:

— Если чувствуешь себя плохо, немедленно скажи мне.

Ладонь Чжао Юня была очень теплой. Ощувив ее на своем лбу, Го Цзя опустил ресницы и тихо отозвался:

— Я понял.

После ужина Чжао Юнь методично складывал вещи. Го Цзя, свернувшись калачиком на кровати и обхватив колени руками, уперся в них подбородком; погруженный в полусонное состояние, он невнятно спросил:

— Зачем тебя звал Лю Сюаньдэ?

— Предлагал пойти за ним.

— А Цзылун хочет?

Чжао Юнь замер с вещью в руках, присел на краешек кровати и снизу вверх взглянул на Го Цзя.

Чуть бледное лицо, темные круги под глазами — сколько уже времени эта пара прекрасных персиковых глаз не знала покоя?

Казалось... казалось...

Все началось с того самого дня, как он согласился служить Гунсунь Цзаню.

Он думал, что этот болезненный и тяжело раненый юноша поправится, и тогда они распрощаются, чтобы разойтись по разным концам света — авось сведет еще судьба.

Кто бы мог подумать.

Конец света оказался на расстоянии вытянутой руки.

Незаметно пролетело больше полугода: ранняя осень, конец зимы, а теперь уже пришла весна...

Знакомое лицо, знакомый силуэт — до того знакомые, что в мыслях больше не оставалось места ни для кого другого.

Счастливый случай — это когда можешь видеть его каждый день, только это и можно назвать настоящей судьбой.

Чжао Юнь мягко произнес:

— Фэнсяо, как ты думаешь, стоит ли мне соглашаться?

Го Цзя потёр слипающиеся от сна глаза и пробормотал:

— Ты ведь уже сам всё решил и собираешься отказаться, к чему еще спрашивать меня? Я спать.

Чжао Юнь помог ему лечь:

— От тебя и вправду ничего не утаишь. Брат Яньмин был прав: в один прекрасный день ты продашь меня, а я еще и буду сам пересчитывать за тебя деньги.

Го Цзя пробормотал словно в полусне:

— Мне было бы жалко продавать Цзылуна... А если и продавать, то только самому себе.

Чжао Юнь изумленно замер.

Когда Гунсунь Цзань снимал лагерь и отводил войска, Лю Бэй уехал первым.

Чжао Юнь проводил его довольно далеко. Лю Бэй смотрел на него полными слез, тоскливыми глазами — словно они были старыми друзьями, встретившимися после долгой разлуки.

— Цзылун, неужели ты не пойдешь со мной?

Чжао Юнь поклонился на прощание:

— В конце концов, я не могу совершать поступки, идущие вразрез с долгом и честью.

<http://bllate.org/book/19191/1884810>